

Жуман Г.¹, Джумалиева Л.Т.²,

¹к.и.н., и.о.доцент, Казахский агротехнический университет имени С.Сейфуллина,
г. Нур-Султан, 010011, Казахстан, guliktim@mail.ru

²к.и.н., и.о. доцент, Казахский агротехнический университет имени С.Сейфуллина
г. Нур-Султан, 010011, Казахстан

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО КЛАССА В КАЗАХСТАНЕ В 1920-1930-е гг.

Аннотация

Встав на путь индустриального развития, вопросы формирования и развития национального рабочего класса в Казахстане приобретали особую значимость. В этой связи, анализ различных аспектов социально-экономического положения и бытовых условий рабочего класса в Казахстане, в частности, их образ жизни, поведение, эмоциональные реакции на жизненные события под воздействием государ-ственной политики, позволяет лучше понять характерные тенденции развития советского общества в 1920-1930-е гг.

В данной статье рассматриваются основные социально-бытовые проблемы казахских рабочих в 1920-1930-е гг. На основе широкого круга источников особое внимание уделено жилищному вопросу, заработной плате, продовольственному снабжению, проблемам здравоохранения и межнациональным отношениям.

Ключевые слова: Казахстан, индустриализация, безработица, рабочие, жилищный вопрос, здравоохранение, продовольственное снабжение, заработная плата, межнациональные конфликты.

Г.Жұман¹, Л.Т. Джумалиева²

¹т.ғ.к., доцент м.а., С.Сейфуллин атындағы Қазақ Агротехникалық университеті,
Нұр-Сұлтан қ., Жеңіс даңғылы 62,010011, Қазақстан, guliktim@mail.ru

²т.ғ.к., доцент м.а., С.Сейфуллин атындағы Қазақ Агротехникалық университеті,
Нұр-Сұлтан қ., Жеңіс даңғылы 62,010011, Қазақстан

1920-1930 жж. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖҰМЫСШЫ ТАБЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ТҰРМЫС МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа

1920-1930 жылдардағы кеңестік қоғамның даму тенденцияларын индустриалды даму жолына түсе отырып, Қазақстанда ұлттық жұмысшы табының қалыптасуы мен дамуы мәселелері ерекше мәнге ие болды. Осыған байланысты, Қазақстандағы жұмысшы табының әлеуметтік-экономикалық жағдайы мен тұрмыс-тіршілігінің әртүрлі аспектілерін талдау, атап айтқанда, олардың өмір сүру салты мен мінез-құлқы, мемлекеттік саясаттың әсерінен өмірлік оқиғаларға эмоционалды реакцияларды жақсы түсінуге мүмкіндік берілді.

Бұл мақалада 1920-1930 жылдардағы қазақ жұмысшыларының негізгі әлеуметтік мәселелері талқы-ланады. Дереккөздерге сүйене отырып, баспана мәселесі, жалақы, азық-түлікпен қамтамасыз ету, денсаулық мәселелері мен ұлтаралық қатынастарға ерекше көңіл бөлінген.

Түйін сөздер: Қазақстан, индустрияландыру, жұмыссыздық, жұмысшылар, тұрғын үй, денсаулық сақтау, азық-түлікпен қамтамасыз ету, жалақы, ұлтаралық қақтығыстар.

Zhuman G.¹, Dzhumaliev L.T.²

¹candidate of historical sciences, acting associate professor, S.Seifullin Kazakh Agrotechnical University,

Zhenis Avenue, 62, Nur-Sultan, 010011, Kazakhstan, guliktim@mail.ru

²candidate of historical sciences, acting assistant professor, S.Seifullin Kazakh Agrotechnical University¹,

Zhenis Avenue 62, Nur-Sultan, 010011, Kazakhstan

SOCIAL AND HOUSEHOLD PROBLEMS OF THE WORKING CLASS IN KAZAKHSTAN in 1920-1930

Abstract

Having embarked on the path of industrial development, the issues of the formation and development of the national working class in Kazakhstan acquired special significance. In this regard, the analysis of various aspects of the socio-economic situation and living conditions of the working class in Kazakhstan, in particular, their lifestyle, behavior, emotional reactions to life events under the influence of state policy, allows us to better understand the characteristic development trends of Soviet society in 1920-1930. This article discusses the basic social problems of Kazakh workers in the 1920s and 1930s. Based on a wide range of sources, special attention is paid to the housing issue, wages, food supply, health problems and interethnic relations. Keywords: Kazakhstan, industrialization, unemployment, workers, housing, health, food supply, wages, ethnic conflicts.

Встав на путь индустриального развития, вопросы формирования и развития национального рабочего класса в Казахстане приобретали особую значимость. В этой связи, анализ различных аспектов социально-экономического положения и бытовых условий рабочего класса в Казахстане, в частности, их образ жизни, поведение, эмоциональные реакции на жизненные события под воздействием государ-ственной политики, позволяет лучше понять характерные тенденции развития советского общества в 1920-1930-е гг.

В качестве исследовательского материала использовались архивные источники, содержащие ценную информацию о социально-бытовых проблемах рабочего класса в Казахстане в рассматриваемый хронологический период. Источниковая база статьи опирается на документальные материалы различных фондов Архива Президента Республики Казахстан г.Алматы (АП РК), Центрального Государственного архива Республики Казахстан г.Алматы (ЦГА РК), а также материалы Российского Государственного архива социально-политической истории г.Москвы (РГАСПИ).

Особый интерес содержат партийные отчеты, циркуляры, распоряжения, где сосредоточены ценные сведения о ходе подготовки квалифицированного рабочего класса преимущественно из казахов-кочевников, о материальном положении рабочих Казахстана; их образе жизни; поведении; настроении; жилищных и медицинских условиях; низкой производительности труда и т.д.

Фонды данных архивов содержат комплекс документальных материалов, характеризующих деятельность ВКП (б) по разрешению национального вопроса в Казахстане, а также ценные сведения, связанные с многочисленными трудностями быта казахских рабочих в условиях тоталитарного сталин-ского режима.

Обращаясь к историографии 1920-1930-х годов, следует отметить, что проблема социально-экономического положения и бытовых условий рабочего класса в Казахстане рассматривалась не историками-профессионалами, а практиками-теми, кто непосредственно

участвовал в процессе модернизации. Это были партийные деятели, интеллигенция, экономисты, хозяйственники.

Жилищно-бытовые условия рабочих, как один из источников недовольства последних своим положением, стали предметом изучения Мустафы Шокая [1], которого волновали ужасающие социально-бытовые условия казахских рабочих. М. Шокай изобличал колониальные мероприятия Советской власти в Туркестане, исходя из истинного положения казахских рабочих на промышленных предприятиях.

Важные материалы и выводы о положении промышленных рабочих содержатся в монографии академика А.Н. Нусупбекова [2], по праву признанной первым обобщающим научным исследованием по проблемам индустриального развития 1920-30-х гг. Автор ставил своей задачей исследовать проблему формирования рабочего класса из числа коренного населения.

Дополнительно были использованы сведения из журналов периода 20-30-х годов: «Большевик Казахстан», «Казахстан в цифрах». В процессе работы авторами использованы сведения из газеты «Советская степь».

Вопросы формирования национального рабочего класса были неразрывно связаны с индустриализацией, так как без создания квалифицированного и многочисленного пролетариата невозможно было развивать индустрию.

По планам большевиков, в кратчайшие сроки, предполагалось создание качественно новой социальной структуры общества – рабочего класса, который в дальнейшем должен был стать «мощной опорой» для Советской власти. Партийное руководство в свое время это хорошо понимало, в результате чего на XII съезде РКП (б) был взят курс на «воспитание и подготовку нового поколения рабочего класса». Тот же съезд поставил задачу создания «...в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения» [3, с.79-81].

Процесс формирования и укрепления рядов рабочих Казахстана в восстановительный период, проходил в сложных условиях: голод 1921 г., многие предприятия горнодобывающей и горнозаводской промышленности бездействовали, наблюдалась значительная безработица. К примеру, к 1922 году на биржах труда было зарегистрировано 50 тыс. безработных. В свою очередь, биржи труда и органы социального обеспечения не имели возможности обеспечить всех безработных соответствующими социальными пособиями. Критическая ситуация наблюдалась в Семипалатинской, Уральской губерниях, Экибастузе и Риддере. В результате происходил отток рабочей силы в аграрный сектор экономики [2, с. 91].

Большинство казахских рабочих являлись неквалифицированными специалистами. На предприятиях они работали сезонно – весной и летом, когда перекочевывали в районы к заводам и рудникам. Шли они туда под влиянием изменяющихся экономических условий степи: голод, падеж скота, снижение интенсивности скотоводческого хозяйства [4]. Как известно, здесь не требовалось особых знаний и большой квалификации.

На рынке труда спросом пользовались квалифицированные рабочие кадры. Так как казахский народ, в основной массе, были чернорабочими, то они и оставались за «бортом» этого спроса, составляя львиную долю безработных. Соотношение рабочих-казахов в горнодобывающей промышленности составляло: квалифицированных – 18%, средней квалификации – 19%, неквалифицированных – 62,7% [5, л. 280]. Таким образом, большой процент рабочих-казахов выпадал на неквалифицированную рабочую силу.

В связи с чем, для подготовки новых квалифицированных и переквалификации старых кадров казахского пролетариата необходимо было обеспечить доступ казахской бедноты во все существующие в Казахстане профтехнические школы, техникумы. Но и на пути разрешения данной проблемы имелись свои определенные трудности. Как отмечал Председатель ЦСНХ М.С. Саматов: «...дети казахов, обучающиеся в трехлетних школах фабзавуча, из-за своей малоподготовленности сами уходят из школы, да и из-за повышенных требований в эти школы не попадают». Например, в промышленно-экономическом техникуме «казахи составляли лишь 23,6% учащихся, в сельскохозяйственном учебном

заведении профобразования 40,8 % учащихся, в школах крестьянской молодежи казахами было занято лишь 34,6 % мест. В индустриально-технических школах процент учащихся казахов был снижен до 38,7, в транспортных школах – до 16,9 %, в строительных школах – до 9,2%, и даже до 1,7% на курсах кройки и шитья [6, с.18].

По всему Казахстану в 1925 г. на заводах и фабриках работало около 40 тысяч рабочих, из которых 5 тысяч – из числа бедного казахского населения. Обычным явлением являлось увольнение рабочих-казахов, вынужденных покидать производство. Например, в Семипалатинске, на Экибастузе, осенью, когда производительность завода снижалась, увольняли, прежде всего рабочих казахов, а на их место ставили приехавших из-за границы русских [7]. Подобная ситуация была характерна для многих регионов Казахстана.

Для этого времени наиболее характерна была «теория дальнего прицела», основанная на том, что «нельзя ориентироваться на подготовку кадров из коренного населения, это значит, что мы, лишившись чернорабочей базы, должны будем ввозить их извне...» [8, с. 47-51]. Но метод с привозными рабочими из других регионов и в дальнейшем себя не оправдал. Во-первых, это было связано с дополнительными материальными расходами, а во-вторых, рабочие из Российской Федерации и Украины были мало приспособлены к условиям жизни в степи. Все это в совокупности влекло за собой большую текучесть кадров.

По мере восстановления предприятий в области обрабатывающей промышленности и железнодорожного транспорта, ряды рабочих Казахстана постепенно начинают консолидироваться. Их состав пополнялся за счет безработных, возвращающихся на производство старых рабочих кадров, ремесленников, кустарей, а также переселенческого крестьянства.

Так, к концу восстановительного периода (по данным Всесоюзной переписи населения на 17 декабря 1926 года) в Казахстане насчитывалось 152 тыс. рабочих. И если в 1914 г. общий процент казахских рабочих в промышленности составлял 20%, то в начале 1926 г. - 31%» [9, л. 21-22.].

Важным показателем материального благосостояния казахских рабочих являлись жилищные условия. Жилищный вопрос в быту рабочих в большинстве сюжетов характеризуются как неудовлетворительный.

Показательным примером является положение рабочих и Казжелдостроя – объединения, занимавшегося строительством железных дорог. В этом объединении особенно тяжелые социально-бытовые условия были характерны для участка Караганда – Акмолинск, где 500 рабочих, среди которых были и бывшие кочевники, проживали в грязных бараках и вагонах, «в каждом вагоне по 10 семей». Площадь на одного рабочего по Джезказгану составляла – 3,62 кв.м., Байконуру – 2,76 кв.м., на Джетыгаринских приисках жилищная норма доходила до 2,3 куб. м. [10, л.13].

«Карсакпай – это магнит, который притягивает к себе окружающее батрацко-бедняцкое население» - писал в своей докладной записке ответственный секретарь Сырдарьинского губернского комитета ВКП (б) Фомин. Если в октябре 1925 года в Карсакпайском медеплавильном заводе работало 316 казахов, в октябре 1926 года – 907, в октябре 1927 г. – 1 тыс. 620, то уже в 1930 году – более 3 тыс. бывших кочевников [11, л. 106.]. Казахское население использовалось в качестве чернорабочих, а также на земляных и горных работах, не требующих высокой квалификации.

Скученность и антисанитария неизбежно вызывали эпидемии, а также вспышки различных инфекционных заболеваний. Так, рабочие Карсакпайского медеплавильного завода жили в тесных бараках, на 1 человека в среднем приходилось 2,58 квадратных метров, что стало одной из причин эпидемии брюшного тифа. Медицинское обслуживание населения было весьма неэффективным вследствие нехватки медицинского персонала и отсутствия специального здания для больницы. Поэтому рабочие во время эпидемии брюшного тифа вынуждены были оставаться в переполненных бараках, что еще сильнее обостряло ситуацию.

Отсутствие на заводе элементарной техники безопасности влекло за собой высокий уровень травматизма и несчастных случаев. Так, только в 1932 году по Карсакпайскому комбинату было зарегистрировано 712 несчастных случаев.

На территории Центрального Казахстана бывшие кочевники шли на строительство Балхашского медеплавильного комбината. К началу строительного сезона в 1932 году на строительную площадку Бертыс из прилегающих районов, в частности, из Коунрадского, переселилось большое количество бывших кочевников. Однако на работу принимали лишь незначительное количество бывших крестьян, а остальные были вынуждены перебиваться случайными заработками.

В процессе строительства Балхашского медеплавильного комбината на первых порах наблюдалось полное отсутствие питьевой воды и жилья, что стало одной из причин массовых заболеваний и смертности среди рабочих. В 1932 году на строительной площадке Бертыс погибло, и впоследствии было захоронено свыше 4 тыс. человек, среди которых немало количество бывших кочевников. За первое полугодие 1932 года на Прибалхашстрое было зафиксировано свыше 41 тыс. 867 заболеваний [12, л. 14].

Сложная ситуация складывалась и у рабочих Риддерских рудников (262 человека). Здесь наблюдалось массовое недовольство рабочих перебоями в заработной плате, нерешенными жилищными проблемами, антисанитарными условиями на многих участках. В справке Казахского Краевого Комитета об итогах проведения национальной политики в КССР отмечалось, что «на промыслах Эмба рабочим-казахам отведены необорудованные квартиры, чем русские рабочие поставлены администрацией в привилегированное положение», а это, бесспорно, «служит причиной национальных трений», ущемляет интересы национальных кадров [13, л.2].

Нерешенный жилищный вопрос отрицательно сказывался на производительности труда, вырос процент травматизма, увеличилась заболеваемость, возросло количество несчастных случаев.

В 1927 году Джетысуйское управление по труду опубликовало результаты обследования строительства Атбасарского завода цветных металлов, где было отмечено, что в процессе этого строительства, требования казахов относительно зарплаты, жилья и питания достаточно скромны. Получив же возможности для освоения профессии, казахи зачастую работали лучше, чем противоположная им европейская сторона. Один журналист, наблюдая за тяжелой работой казахских землекопов, писал с восхищением: «Эти бывшие кочевники работают, как автоматы».

Первыми кого увольняли с работы, были казахи. Наблюдалась открытая дискриминация, которая проявляла себя в вопросах распределения заданий. Большинство казахов было занято на земляных работах по сдельным ставкам. Поэтому на оплате их труда сразу же сказывались как сложность проходимого грунта, так и обеспеченность соответствующим инструментом. Неравенство проявлялось в уровне заработной платы, порой в три раза меньше чем европейские рабочие [10, л.13].

Казахи постоянно страдали от плохо налаженной системы выплаты заработной платы, когда она постоянно задерживалась, рабочие нещадно обчитывались. Из-за незнания условий коллективного договора казахи становились легкой добычей мошенничества [14, с.2-3].

Дискриминации казахи подвергались и в свободные от работы часы. Так, на партийной конференции Южного строительства Турксиба, прошедшей в середине 1929 года, отмечалось, что на многих строительных участках казахи имели худшие жилищные условия. Как правило, казахи являлись последними, кто обеспечивался жильем, постельными принадлежностями и другим имуществом, положенным при полевых работах.

Только в редких случаях профсоюз, равно как и другие органы власти, выступали на защиту казахов.

На конференции профсоюзов Северного строительства общежитие казахов описывалось следующим образом: «Их кровати сколочены из грубого теса, нет столов, где можно было бы принимать пищу, а помещение настолько перенаселено, что люди не знают, сколько их здесь находится» [15, л. 66-71].

Более того, даже при строительстве нового жилья, казахам отказывали в справедливом его распределении. Положенные им места в бараках, а также квартиры зачастую «перераспределялись» на основе банальных отговорок.

Не редкостью были совхозы, в которых рабочим выдавался только мороженный картофель и мука пополам с полынью. В рационе питания рабочих отсутствовали овощи и молочные продукты [16, л. 64].

Аналогичным образом была плохо налажена и система здравоохранения. Врачи отдела здравоохранения не были знакомы со спецификой лечения местного населения и не хотели этим заниматься. Несмотря на неоднократные указания, медицинское управление отказывалось готовить казахских фельдшеров, владеющих казахским языком (медработников среднего звена).

Санитарные условия казахов оставались крайне запущенными по всей стройке. Даже в конце 1930-го года казахи на Северном строительстве зачастую оставались без питьевой воды, режима уборки юрт и санитарной обработки [17, л. 146-147].

Холера и другие инфекционные болезни, не признающие этнических границ, периодически делали свои опустошительные набеги на Турксиб, и, как упущение со стороны руководства, могли быть объяснены шовинистическим настроением на казахов.

Социальная инфраструктура также не отвечала потребностям стремительно растущего рабочего класса. Рыночные цены на овощи, мясные и молочные продукты в бюджете рабочих и служащих отнимали до 35% средств, но их удельный вес в кооперации составлял лишь около 17%.

Со своей стороны государство до принятия первого пятилетнего плана имело в наличии незначительные средства поощрения. Слабо была развита сдельная работа (на Атбасцветмете – 43%), почти отсутствовали премии, слабым было техническое нормирование. В коллективных договорах главные нарушения касались охраны труда, снабжения спецодеждой, приема и увольнения рабочих, организации ученичества. Но объективно растущая индустриальная культура, новые социальные стимулы и критерии постепенно укрепляли и расширяли свое влияние.

В кооперативных магазинах Турксиба казахские рабочие не имели возможности приобрести всю необходимую продукцию, вследствие того, что им было отведено самое последнее место в очередях. Самым сложным препятствием в деле освоения промышленного производства для вчерашних кочевников являлось незнание русского языка.

Избиения были привычным делом в поездных бригадах и среди каменщиков. Оскорбления и избиения стали характерной чертой отдельных строительных участков.

Несмотря на тяжелое положение строителей Туркестано-Сибирской железной дороги ненормированный рабочий день, задержка заработной платы, ущемление прав рабочих казахской национальности, строительство продолжалось, так как хозяйственное значение магистрали нельзя недооценивать. Это «одна из основных задач, стоящих на пути разрешения проблем индустриализации СССР, состоящих в расширении и укреплении сырьевой базы промышленности и приближении последних к источникам сырья» по плану большевиков [18, л. 27].

Аналогичная ситуация сложилась и с профсоюзными организациями. В 1920-х гг. профсоюз делал попытки привлечь больше казахов в свои ряды [19 л. 47-65]. Однако к концу НЭПа численность казахов в профсоюзе составляла только 23% рядовых членов. С началом реализации первого пятилетнего плана данное процентное соотношение даже пошло вниз. К середине 1928 года численность казахов составляла только 21,5% от общей численности республиканского отряда профсоюзов в 138556 членов, 40% из которых являлись сельскохозяйственные рабочие.

Подобная ситуация была характерна и для Турксиба в целом. Казахские имена весьма редки в большинстве отчетов профсоюзов [20, л. 1-2]. Будучи в основной массе новичками на стройке и профессионально не подготовленными, казахи были тем типом рабочих, которых профсоюза не желал видеть в своих рядах. На Южном строительстве только 31% казахских

рабочих на пяти строительных участках был охвачен коллективным соглашением, в то время как более 60 % всех рабочих были поставлены на обеспечение по этим соглашениям [15, л. 66-69].

По данным видного политического деятеля М. Шокай, % промышленного пролетариата среди членов профсоюзов Казахстана был крайне мал. На 148 тысяч членов профсоюзов приходилось лишь 34 тысячи казахов, что составляло 22% по отношению к общей массе промышленных рабочих края. Подробно анализируя условия жизни казахского пролетариата на крупных предприятиях, Мустафа Шокай приводит данные о численности казахских рабочих на Риддерском заводе: «Из 2 800 тысяч человек, работающих на заводе, всего 370 казахов, из которых «только один числится в рядах квалифицированных», остальные – чернорабочие [1, с.56], даже из числа тех, кто окончил действующую при заводе фабрично-заводскую школу по подготовке квалифицированных кадров. При сокращении в первую очередь увольняются казахи, и даже заработная плата у них ниже [21, л.30].

Подобные настроения не исчезли и к концу первой пятилетки. На промышленных предприятиях, в школах, ФЗУ можно было наблюдать проявления межнационального антагонизма. Методы и формы проявления великодержавного шовинизма несколько изменились, но суть их осталась прежняя: ущемление казахов в продовольственном снабжении, что приводило к истощению и даже к смерти (Риддер, Караганда); беспричинное увольнение и перевод на менее оплачиваемую работу; оскорбление, доходившее до массовых побоищ; задержка зарплаты до трех месяцев (Петропавловский кожевенный завод); завышение установленных норм выработки [22, л. 47]. Размеры заработной платы не соответствовали действительным затратам труда.

Все эти негативные явления приводили к тому, что некоторая часть рабочих-казахов обвиняла Советскую власть в «колониальной политике, проводимой в крае и направленной на вымирание казахского народа» [22, л.46].

Таким образом, основные трудности в перестройке жизнедеятельности вчерашних кочевников представляли языковой барьер, слабая профессиональная подготовка, социально-психологический дискомфорт в связи с резкой сменой в организации труда, быта, досуга, взаимоотношений в новых социальных группах и коллективах.

Значительное количество рабочих прибывало из деревень и аулов, им приходилось обустроить свой быт практически заново. В целом, рабочий класс Казахстана имел по многим показателям более низкий уровень жизни, чем рабочие центральной части России.

На вопрос, за счет каких средств идет столь успешное усиление темпа индустриализации, Голощекин скромно ответил: «Средства мы берем за счет временного ограничения своих потребностей – рабочих и крестьян» [23, л.536].

С 1930 г. на всех заводах, фабриках и стройках были созданы фонды премирования, куда отчислялось 40% средств от экономии после внедрения рацпредложений. Профсоюзы через спецкомиссии учета результатов соревнования и представления ударников к премированию получили новый рычаг управления. Моральные стимулы ударничества оставались наиболее распространенными. В 1930 г. во многих отраслях промышленности ударники составляли около 6% всех рабочих, в 1933 – свыше 33%, а на некоторых предприятиях – более 50%.

Между тем, Ф.И. Голощекин в конце 1932 г. признавал: в промышленности и транспорте «текущая рабочая сила, недисциплинированность, прогулы, поломка машин, простои предприятий, хищения инструментов, а иногда и продукции, пожары». Производительность труда росла медленно, а сохранение рабочих кадров некоторым ростом зарплаты повышала себестоимость продукции. В итоге, вина возлагалась на враждебные элементы и плохое руководство местных хозяйственных, советских, партийных и общественных организаций [24, с. 150].

Очень тяжело пришлось кочевникам, пришедшим из аулов, которые не могли быстро привыкнуть к условиям промышленного производства. Они были вынуждены встать в ряды рабочего класса в результате тяжелых последствий коллективизации.

Неблагоприятный морально-психологический климат, трудности адаптации, отсутствие взаимной требовательности, уважения, конфликты и напряженность в общении – это далеко не полный перечень факторов, негативно влиявших на психологию формирующегося национального рабочего класса.

Таким образом, прогрессивное значение и необходимость проведения индустриализации бесспорно, но вопрос жизненного уровня народа игнорировать нельзя. Формы хозяйственной деятельности Казахстана складывались веками и были обусловлены потребностями самосохранения и самовывживания. Веками складывавшийся порядок жизнедеятельности основной массы казахского народа, не мог соответствовать ритму и задачам индустриального производства, которое потребовало «подстройку» человека к машине в весьма короткие сроки, то есть адаптация к индустриально-машинной среде происходила неизмеримо в короткие сроки [25, с.122].

Список использованной литературы:

- 1 Чокай-оглы Мустафа. Туркестан под властью Советов. Статьи, воспоминания. – Алма-Ата: Айқап, 1993. –160 с.
- 2 Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917-1940 гг). – Алма-Ата: Наука, 1966. –241с.
- 3 Сидоров А. Индустриализация степи и национальный вопрос Английская историография о Казахстане (20 – 30 годы) // Мысль, 1995. - № 7. – С.79-81.
- 4 О формировании кадров казахского пролетариата. Советская степь. – 1929. -№ 31.
- 5 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1125.
- 6 Городецкий И. М., Шиманский С. Э. Краткий обзор по учебным заведениям профобразования // Казахстан в цифрах. 1929. - № 4 - 5, апрель-май. – С.18.
- 7 Еңбекші қазақ. - 1925. - № 284.
- 8 Баймагамбетов. Учень уроки Карсакная //Большевик Казахстана. 1931. - № 4. – С.47 – 51.
- 9 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1040.
- 10 ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 9. Д. 90.
- 11 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1889.
- 12 АП РК. Ф. 719. Оп. 5. Д. 192.
- 13 ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 678.
- 14 В. Беляков. «Рабочий вопрос на Турксибе». // Советская степь. № 225 (1430), 10 октября 1928 г.,- С.2-3.
- 15 ЦГА РК. Ф. 131. Оп.1. Д 325.
- 16 РГАСПИ. Ф. 17. Оп.25. Д. 47.
- 17 ЦГА РК. Ф. 1129. Оп.8. Д 79.
- 18 ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 13.
- 19 ЦГА РК. Ф. 138. Оп.1. Д. 1246.
- 20 ЦГА РК. Ф. 131. Оп.1. Д. 294.
- 21 АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1431.
- 22 АП РК Ф.719 Оп. 4. Д.666.
- 23 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 38.
- 24 Ауанасова. К.М. Развитие и роль кустарной промышленности в Казахстане в восстановитель-ный период (1921-1928). Дисс. ...к.и.н. – Алматы, 1997. – С. 150.
- 25 Шайхутдинов. М. Е. Формирование национальных кадров рабочего класса Казахстана 1917-1941. Актуальные вопросы историографии. Дисс. ...к.и.н. – Алматы, 1995. – С. 115.